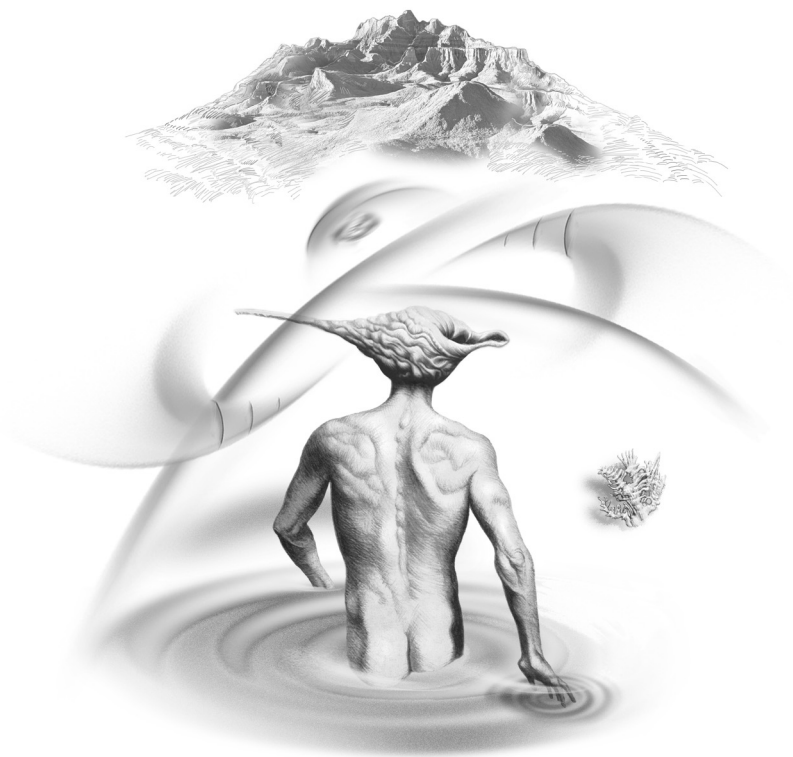

ΚΑΡΛΟΣ
ΚΑΣΤΑΝΕΔΑ

КАРЛОС КАСТАНЕДА

· УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА ·
· ОТДЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ·

«СОМНЯ»

2017

УДК 821.111(73)-312.1

ББК 88.6

K28

Кастанеда Карлос

K28 Учение дона Хуана: Путь знания индейцев яки. Отдельная реальность / Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-906749-16-1

Карлос Кастанеда, самый таинственный, самый знаменитый автор второй половины XX века, сдвинувший *точку сборки* всего человечества.

Первая книга — это еще не «настоящий» Кастанеда, ибо молодой антрополог пока не может принять магический мир своего учителя дона Хуана и пытается писать «научный обзор» происходящих вокруг него невероятных событий. Но здесь начинается величайшая духовная одиссея современности.

А Ты, читатель, будь осторожен! Даже если Ты станешь читать 11 книг Кастанеды всего лишь как увлекательные магические истории, считая их чистой выдумкой, Ты уже никогда не будешь смотреть на мир прежними глазами.

Реальность индейских магов и их *союзников* так опасна для привычной системы восприятия, что Карлос, антрополог из Лос-Анджелеса, написав свою первую книгу, пытается сбежать от нее навсегда. Но *Сила* решает иначе: через два года он вернулся — и начался новый цикл обучения.

«Отдельная реальность», как и первая книга КК, — описание опыта, которого он ЕЩЕ НЕ ПОНИМАЕТ.

Читатель, послушай добрый совет: для более точного восприятия учения Толтеков начни знакомство с ним с третьей книги, «Путешествие в Икстлан», и лишь потом вернись к первым двум, ибо было бы слишком грустно, с одной стороны, испугаться неточного описания Пути и отбросить его, с другой — не ознакомиться с теми важнейшими положениями Учения, которые попали именно в первые две книги.

УДК 821.111(73)-312.1

ББК 88.6

The teachings of Don Juan by Carlos Castaneda

Copyright © 1968 by Carlos Castaneda

A separate reality by Carlos Castaneda

Copyright © 1971 by Carlos Castaneda

ISBN 978-5-906749-16-1

© ООО Книжное издательство «София», 2014

Содержание

Учение дона Хуана Путь знания индейцев яки

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1	20
ГЛАВА 2	28
ГЛАВА 3	45
ГЛАВА 4	75
ГЛАВА 5	90
ГЛАВА 6	104
ГЛАВА 7	113
ГЛАВА 8	125
ГЛАВА 9	134
ГЛАВА 10	141
ГЛАВА 11	155

Отдельная реальность

ВВЕДЕНИЕ 169

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОДГОТОВКА К ВИДЕНИЮ

ГЛАВА 1 184

ГЛАВА 2 188

ГЛАВА 3 208

ГЛАВА 4 221

ГЛАВА 5 240

ГЛАВА 6 255

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАДАЧА ВИДЕНИЯ

ГЛАВА 7 271

ГЛАВА 8 287

ГЛАВА 9 293

ГЛАВА 10 303

ГЛАВА 11 313

ГЛАВА 12 328

ГЛАВА 13 340

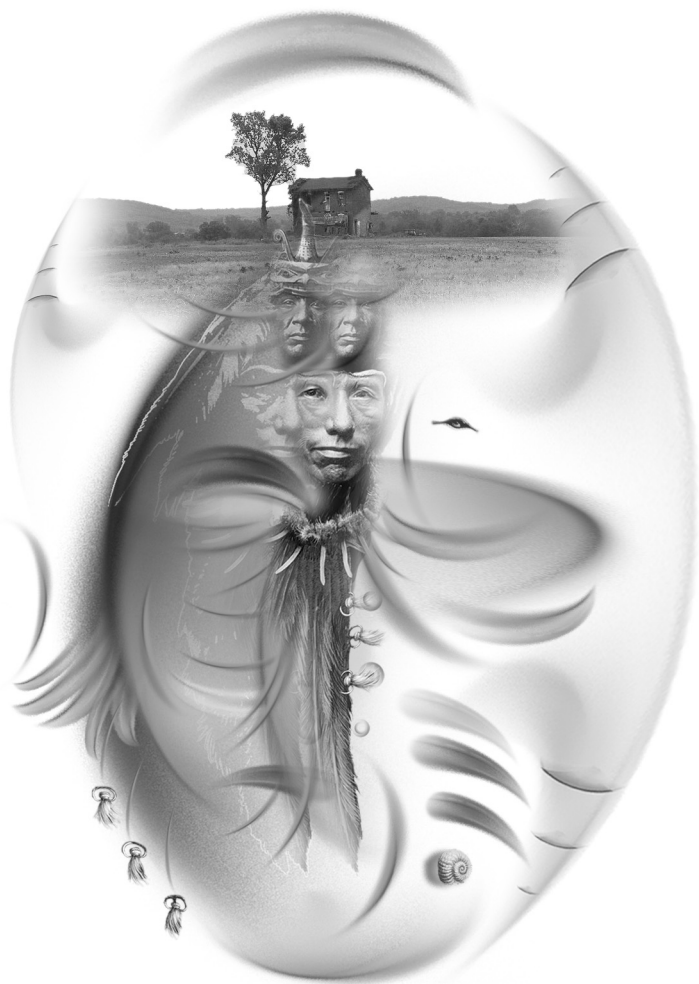
ГЛАВА 14 357

ГЛАВА 15 376

ГЛАВА 16 384

ГЛАВА 17 402

УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА

*Дону Хуану и еще двоим, разделяющим со мной
его чувство магического времени*

Para mi solo reconer los caminos que tienen corazon,
cualquier camino que tenga corazon.
Por ahí yo recorro, y la unica prueba que vale
es atravesar todo su largo.
Y por ahí yo recorro mirando, mirando, sin alieno.

Для меня существует только тот путь,
которым я странствую, любой путь,
который имеет сердце или может иметь сердце.
Тогда я следую ему, и единственный достойный вызов —
пройти его до последней пяди.
И я иду по нему, иду и смотрю — пока я жив.

Дон Хуан

Необходимо лишь установить начало
и направление бесконечного пути.
Любые попытки систематизации в итоге бесполезны.
Достижение совершенства возможно
лишь в субъективном смысле
непосредственного переживания всего,
что окажется способен увидеть ученик.

Георг Зиммель

Введение

Летом 1960 года я, в ту пору еще студент факультета антропологии при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, предпринял несколько поездок на Юго-Запад с целью сбора информации о лекарственных растениях, используемых местными индейцами. Одна из этих поездок и привела к началу описываемых здесь событий.

Я ожидал автобус на станции в приграничном городке, беседуя с приятелем, который сопровождал меня в качестве гида и помощника. Вдруг он наклонился ко мне и прошептал, что вон тот старый седой индеец, который сидит у окна, отлично разбирается в растениях, и в пейоте — особенно. Я попросил нас познакомить.

Приятель окликнул старика, потом подошел к нему и пожал руку. Поговорив с минуту, он жестом подозвал меня и исчез, предоставив мне самому выпутываться из ситуации. Старик был невозмутим. Я представился; он сказал, что зовут его Хуан и что он к моим услугам. По-испански это было сказано с отменной учтивостью. По моей инициативе мы обменялись рукопожатиями и оба замолчали. Это молчание, однако, не было натянутым, оно было спокойным и естественным.

Хотя морщины, покрывавшие его смуглое лицо и шею, свидетельствовали о почтенном возрасте, меня поразило его тело — поджарое и мускулистое. Я с важностью сообщил, что собираю сведения о лекарственных растениях. Хотя я почти ничего не знал о пейоте, тем не менее дал понять, что сведущ в этом вопросе и что вообще со мной стоит познакомиться поближе.

Пока я нес эту чушь, он медленно кивнул и пристально взглянул на меня, не говоря ни слова. Я невольно отвел глаза, и сцена закончилась гробовым молчанием. Наконец, после нестерпимо затянувшейся паузы, дон Хуан поднялся и выглянул в окно. Подошел его автобус. Он попрощался и уехал.

Я был раздражен своей дурацкой болтовней под его необычным взглядом, — казалось, он видел меня насквозь. Вернулся приятель и, узнав о моей неудачной попытке выведать что-нибудь от дона Хуана, постарался меня утешить — старик, мол, вообще неразговорчив и замкнут. Однако тягостное впечатление от этой первой встречи было не так-то легко рассеять.

Я приложил усилия, чтобы разузнать, где живет дон Хуан, и после не раз приезжал к нему в гости. При каждой встрече я пытался вывести его на разговор о пейоте, но безуспешно. Мы, тем не менее, стали хорошими друзьями, и со временем мои научные изыскания были позабыты или, во всяком случае, приобрели совершенно новое направление, о котором я вначале не мог и подозревать.

Приятель, который нас познакомил, позже разъяснил, что дон Хуан не был уроженцем Аризоны, где мы встретились; он родился в мексиканском штате Сонора, в племени индейцев яки.

Поначалу дон Хуан был для меня попросту занятым стариком, который очень хорошо говорит по-испански и превосходно разбирается в пейоте. Однако знавшие его утверждали, что он «брухо» — целитель, знахарь, колдун, маг.

Прошел целый год, прежде чем он начал мне доверять. В один прекрасный день он сообщил, что обладает особыми знаниями, которые передал ему «бенефактор»^{*} — так он называл своего учителя. Теперь дон Хуан, в свою очередь, избрал меня своим учеником и предупредил, что мне предстоит сделать очень серьезный выбор, так как обучение будет долгим и трудным.

Рассказывая о своем учителе, дон Хуан часто употреблял слово «диаблеро». Этим словом, которым, кстати, пользуются только индейцы из Соноры, называют оборотня, который занимается черной магией и способен превращаться в животных — птицу, собаку, койота или любое другое существо.

Как раз во время очередной поездки в Сонору со мной произошло любопытное приключение, иллюстрирующее отношение индейцев к «диаблеро». Я вел машину ночью, в компании двух друзей-индейцев. Вдруг дорогу пересекло животное, похожее на собаку. Один из моих попутчиков предположил, что это

^{*} «Благодетель» (англ.). — *Прим. перев.*

громадный койот. Я притормозил и свернул к обочине, чтобы получше рассмотреть странное существо. Еще несколько секунд оно стояло в лучах фар, а затем скрылось в кустарнике. Это был, без сомнения, койот, только вдвое больше обычного. Под конец возбужденной перепалки мои друзья сошлись в том, что животное было, во всяком случае, очень необычное, а один из них высказал предположение, что это был «диаблеро». Я решил воспользоваться этим случаем и расспросить местных индейцев об их поверьях, связанных с *диаблеро*. Я рассказывал эту историю многим, выпрашивая, что они об этом думают. Привожу три разговора, которые иллюстрируют их мнения на этот счет.

— Как ты думаешь, Чой, это был койот? — спросил я выслушавшего эту историю молодого индейца.

— Кто его знает. Да нет, собака, конечно. Койот поменьше.

— А может, это был *диаблеро*?

— Ну вот еще. Такого не бывает.

— А почему ты так считаешь, Чой?

— Люди воображают всякое. Бьюсь об заклад, поймай ты это животное — и оказалась бы простая собака. Были у меня как-то дела в другом городе, встал я до рассвета, оседлал лошадь. Выезжаю — вижу, на дороге черная тень, точно большая зверюга. Лошадь встала на дыбы, выбросила меня из седла, да и сам я порядком струхнул. А оказалось — это соседка, тоже в город направилась.

— Ты хочешь сказать, Чой, что не веришь в существование *диаблеро*?

— *Диаблеро*? А что это такое? Скажи-ка мне, что такое *диаблеро*!

— Да не знаю, Чой. Мануэль, который с нами тогда ехал, сказал, что это мог быть *диаблеро*, а не койот. Может быть, ты мне скажешь, что такое *диаблеро*?

— Ну, говорят, что *диаблеро* — это *брухо*, который во что захочет, в то и превратится. Так ведь каждый знает, что это враки. Старики здесь напичканы историями про *диаблеро*. Но от нас, от молодых, ты этих глупостей не услышишь.

— Что это было за животное, как ты думаешь, донья Лус? — спросил я женщину преклонных лет.

— Точно все знает один Господь, но я так думаю, что это был не койот. Бывает такое, что помотришь — койот, а на

самом деле вовсе не койот. Скажи, бежал он просто или что-нибудь нес в зубах?

— По большей части стоял на месте, но в тот момент, когда я его увидел, мне показалось, что он что-то ест.

— А ты уверен, что он ничего не нес в зубах?

— Трудно сказать. А что, тут есть какая-то разница?

— Да, разница есть. Если он что-то нес в зубах, то это был не койот.

— Тогда что же?

— Мужчина или женщина.

— А как они у вас называются, донья Лус?

Она не ответила. Я выпрашивал и так и сяк, но безуспешно. Наконец она сказала: «Не знаю». Я спросил, не их ли называют *диаблеро*. Да, ответила она, есть и такое название.

— А ты сама не знаешь какого-нибудь *диаблеро*?

— Знала я одну женщину. Ее убили. Я тогда была еще ребенком. Женщина, говорили, превращалась в суку и как-то ночью забежала в дом белого, хотела стащить сыр. Белый ее застрелил из двустволки, и как раз тогда, когда сука сдохла в доме белого, женщина умерла у себя в хижине. Собрались ее родственники, пришли к белому и потребовали выкуп. За ее убийство белый выложил много денег.

— Как же они могли требовать выкуп, если белый убил всего лишь собаку?

— А они сказали, что белый знал, что это не собака, ведь с ним были еще люди и все они видели, как собака встала на задние лапы и, совсем как человек, потянулась к сыру, который лежал на подносе, а поднос был подвешен к кровле. Они тогда ждали вора, потому что сыр того белого каждую ночь исчезал. Так что белый убил вора, зная, что это не собака.

— А теперь есть *диаблеро*, донья Лус?

— Такие вещи под большим секретом. Говорят, что их уже нет, но я сомневаюсь, потому что кто-то из семьи *диаблеро* должен получить его знание. У них свои законы, и один из них в том и состоит, что *диаблеро* должен кому-то из своего рода передать свои тайны.

— Как ты думаешь, Хенаро, что это было за животное? — задал я вопрос древнему старику.

— Собака с какого-нибудь местного ранчо, что же еще?

— А мог это быть *диаблеро*?

— *Диаблеро*? Ты ненормальный. Они не существуют.

— Ты хочешь сказать, что теперь не существуют или вообще не существовали?

— Когда-то существовали, это да. Это всем известно. Кто ж этого не знает. Но люди их очень боялись и всех поубивали.

— Кто же их убил, Хенаро?

— Да все племя. Последний *диаблеро*, которого я знал, был С. Он своим колдовством извел десятки, если не сотни людей. Терпение наше кончилось, как-то ночью мы собрались все вместе и взяли его врасплох, да и сожгли живьем.

— А давно это было?

— Году в сорок втором.

— Ты что, сам это видел?

— Да нет, но люди до сих пор об этом говорят. Говорят, от него даже золы не осталось, а ведь дрова для костра специально были сырые. Все, что осталось под конец, — так это большая лужа жира.

Хотя дон Хуан сказал, что его учитель был *диаблеро*, он никогда не говорил, где получил от него знания, и никогда не упоминал его имени. О себе дон Хуан не рассказывал почти ничего. Все, что я смог из него вытянуть, это то, что он родился на Юго-Западе в 1891, почти всю жизнь прожил в Мексике; в 1900 его семью вместе с тысячами других индейцев Соноры мексиканские власти выселили в Центральную Мексику; в общей сложности в Центральной и Южной Мексике он прожил до 1940. Таким образом, поскольку он много путешествовал, его знания, возможно, были продуктом многих влияний. И хотя сам он себя считал яки из Соноры, я сомневаюсь, укладываются ли его познания в круг традиционных представлений сонорских индейцев. Впрочем, здесь я не собираюсь заниматься определением истоков его культуры.

Мое ученичество у дона Хуана началось в июне 1961. До сих пор, как бы ни проходили наши встречи, я неизменно воспринимал его с позиции наблюдателя-антрополога. Во время этих первых бесед я втайне делал заметки, чтобы потом с их помощью восстановить по памяти весь разговор. Но когда началось обучение, этот метод оказался малопродуктивным, поскольку разговор всякий раз касался слишком многих вещей, обычно самых неожиданных. Со временем, после

упорных протестов, дон Хуан все же разрешил мне вести записи в открытую. Я хотел вообще все, что можно, фотографировать и записывать на диктофон, но тут он был тверд, и мне пришлось отступить.

Вначале ученичество проходило в Аризоне, а потом, когда дон Хуан перебрался в Мексику, — у него в Соноре. Распорядок встреч устанавливался сам собой — я попросту приезжал на несколько дней при каждом удобном случае. Летом 1963 и 1964 гг. мои посещения были особенно частыми и продолжительными. Теперь я вынужден признать, что такой режим был малоэффективным, поскольку вводил меня из-под безраздельного контроля со стороны учителя, а ведь в магии это главное условие успеха. С другой стороны, я думаю, в этом было определенное преимущество, поскольку я оставался сравнительно свободным, а это, в свою очередь, стимулировало критичность оценки, что было бы невозможно в случае безусловного и всепоглощающего подчинения. В сентябре 1965 г. от дальнейшего обучения я отказался.

Спустя несколько месяцев я вернулся к своим записям и оказался перед проблемой, как их упорядочить и свести в какое-то связанное целое. Поскольку собранный материал был почти необозрим и перегружен всяким хламом, я для начала попытался выработать какую-то систему классификации. Я разделил материал по темам и расположил по иерархии субъективной значимости, а именно по степени воздействия лично на меня. Постепенно вырисовалась следующая структура: использование галлюциногенных растений; используемые в магии рецепты и процедуры; приобретение «предметов силы» и обращение с ними; использование лекарственных растений; песни и легенды (фольклор).

Однако общий критический обзор зафиксированного мной опыта привел меня к выводу, что всякие попытки классификации не дают ничего, кроме изобретения новых категорий, поэтому любые усилия рационализировать эту схему закончатся лишь еще более домороженным изобретательством. Мне это было совершенно ни к чему. Попытка уяснить все, что я испытал, означала необходимость осмыслить стройную систему подтвержденных опытом конкретных представлений. Уже после первой пейотной церемонии («сессии»), в которой я принимал участие, для меня стало очевидным, что в учении

дона Хуана есть внутренняя логика. Решившись однажды меня обучать, он затем передавал мне свои знания в неукоснительном порядке, в строгой последовательности. Именно этот порядок был для меня непостижим.

Этим, по-моему, объясняется то, что даже через четыре года обучения я все еще оставался начинающим. Я понимал только, что знания дона Хуана и его методы передачи этих знаний были те же, что у его «бенефактора», поэтому и трудности в моем понимании учения были, по всей вероятности, аналогичны тем, с которыми в свое время столкнулся дон Хуан. Он сам отметил однажды наше сходство в качестве начинающих и несколько раз проронил, что тоже был не в состоянии понять своего учителя. Поэтому я пришел к выводу, что для любого начинающего, будь он индеец или кто угодно, магическое знание представляется непостижимым из-за необычайного характера испытываемых явлений. Лично для меня как для человека западной культуры они были столь ошеломляющими, что истолковать их в привычных терминах повседневной жизни было заведомо невозможно, и это означало, что обреченной будет также любая попытка их классификации.

Так для меня стало очевидным, что знание дона Хуана имеет смысл рассматривать лишь с его собственной точки зрения; лишь в этом случае оно будет достоверным и убедительным. В попытках согласовать наши представления я пришел к выводу, что всякий раз, пытаясь разъяснить мне свое знание, он с необходимостью использовал собственные понятия. Поскольку для меня эти понятия и концепции были изначально чуждыми, усилия увидеть его мир его глазами ставили меня в нелепое положение. Поэтому первой задачей было определить его систему концептуализации. Работая в этом направлении, я заметил, что сам дон Хуан особую роль отводил использованию галлюциногенных растений. Именно это я положил в основание собственной систематизации магического опыта.

Дон Хуан использовал три вида галлюциногенных растений, каждый в отдельности и в зависимости от обстоятельств: пейот (*Lophophora williamsii*), дурман (*Datura innoxia* или *D. meteloides*) и гриб (по всей вероятности, *Psilocybe mexicana*). Галлюциногенные свойства этих растений были известны индейцам задолго до появления европейцев. У индейцев они находят, сообразно свойствам, различное применение:

их используют при лечении, при колдовстве, для достижения экстатических состояний или, скажем, просто ради удовольствия. В контексте же учения дон Хуана употребление дурмана и гриба связывается с приобретением особой силы, мудрости, или, иначе говоря, знания того, как «правильно» жить.

Для дон Хуана ценность растений определяется их способностью вызывать поток необычного восприятия. С их помощью он вводил меня в переживание этого потока с целью раскрытия мира магии, удостоверения его реальности и адекватной оценки. Я назвал этот поток переживаний «состоянием необычной реальности», т. е. такой реальности, которая отличается от повседневной. Их различие определяется самой природой этих состояний, которые в контексте учения дон Хуана расцениваются как совершенно реальные, хотя их реальность крайне далека от обычной.

Дон Хуан считал, что переживание необычной реальности — единственный способ практического освоения магии и приобретения силы*. По его убеждению, именно этой главной цели подчинены все прочие компоненты учения. Этим, казалось, определялось его отношение ко всему, что не было с нею непосредственно связано. В моих записях полно его замечаний по самому разному поводу. К примеру, как-то он заметил, что некоторые предметы несут в себе определенное количество «силы». Сам он не испытывал к предметам силы особого почтения, но сказал, что к их помощи нередко прибегают слабые *брухо*. Я то и дело выспрашивал его о таких вещах, но его они, казалось, совершенно не интересовали. Однако на этот раз он неожиданно заговорил.

— Существуют определенные предметы, которые наделены силой, — сказал он. — Таких предметов, которыми с помощью дружественных духов пользуются маги, множество. Эти предметы — орудия, и не просто орудия, а орудия смерти. И все же это только орудия. У них нет силы учить. Строго говоря, они относятся к разряду предметов войны и предназначены для нанесения удара. Они созданы для того, чтобы убивать.

— Что это за предметы, дон Хуан?

* Здесь и в дальнейшем следует иметь в виду параллельные значения английского «power» («сила»): это также «энергия», «могущество», «власть». — *Прим. перев.*

— Это не обычные предметы, скорее, это — разновидности *силы*.

— Как можно получить эти разновидности *силы*?

— Все зависит от того, какого рода предмет тебе нужен.

— А какие существуют?

— Я уже сказал — множество. *Предметом силы* может быть что угодно.

— Какие же тогда имеют наибольшую *силу*?

— Сила предмета зависит от его владельца, от того, какого сорта человеком он является. *Предмет силы*, которым пользуется слабый *брухо*, — почти шутка; и наоборот, орудия сильного *брухо* получают от него свою *силу*.

— Какие *предметы силы* наиболее обычны? Что из них предпочитает большинство *брухо*?

— Тут не может быть «предпочтения». Все они *предметы силы*, все до единого.

— Есть ли у тебя самого какие-нибудь, дон Хуан?

Он не ответил, только взглянул на меня и рассмеялся. Потом надолго замолчал, и я подумал, что мои вопросы раздражают его.

— Для этих разновидностей *силы* существуют ограничения, — продолжал он. — Но этот момент, я уверен, непонятен для тебя. У меня самого чуть ли не вся жизнь ушла на то, чтобы понять, что один «союзник»* стоит всех *предметов силы* с их детскими тайнами. Такие штуки я имел, когда был мальчишкой.

— Что они из себя представляли?

— «Маис-пинто», кристаллы и перья.

— Что такое «маис-пинто», дон Хуан?

— Это росток маиса с красной прожилкой посередине.

* «Алу» (англ.) — «союзник». Это слово первым переводчиком К. Кастанеды для «Самиздата» было ошибочно транскрибировано как «олли», тогда как на самом деле оно звучит как «элаи». Эта очаровательная ошибка стала привычным определением этих «сущностей» для всех ценителей Кастанеды, знакомых с ним по «Самиздату», и мы во втором издании хотели вернуть это слово на страницы данного собрания. Но потом рассудили, что читателей нашего первого издания как минимум на порядок больше, кроме того, это слово внесет полную сумятицу в умы читателей девятого тома, где разделить неорганические существа — «союзников» и энергетические сущности — «олли» и вовсе уж не представляется возможным. — Прим. ред.

— Всего лишь один росток?

— Нет, у *брухо* их сорок восемь.

— Как они действуют, дон Хуан?

— Каждый может убить человека, войдя в его тело.

— Как росток попадает в тело человека?

— Это *предмет силы*, и его сила заключается, помимо всего прочего, в том, что он входит в тело.

— И что тогда?

— Росток проникает в тело, а потом оседает в груди или в кишках. Человек заболевает и, если только *брухо*, который взялся его лечить, не окажется сильнее его врага, — через три месяца умрет.

— А можно его как-нибудь вылечить?

— Единственный способ — высосать росток, но немногие *брухо* отважатся на это. Конечно, *брухо* может в конце концов высосать росток, но если у него не хватит силы его извергнуть, тот убьет его самого.

— Но каким вообще образом росток умудряется проникнуть в тело?

— Ты не поймешь этого, если не знаешь колдовства с *мисом*, которое является одним из самых сильных, какие я знаю. Оно делается при помощи двух ростков. Сначала росток прячут в бутоне только что срезанного желтого цветка, затем, чтобы он вошел в контакт с врагом, нужно спрятать его где-нибудь, где тот обычно бывает, — скажем, на тропинке, где он ходит каждый день. Как только жертва наступит на бутон или как-нибудь его коснется, — колдовство совершлось. Росток погружается в тело.

— А что с этим ростком потом происходит?

— Вся его сила уходит в человека, и росток свободен. Теперь это совсем другой росток. Он может остаться там же, где произошло колдовство, или попасть куда угодно, — это уже не имеет значения. Лучше замести его под кусты, где его склюет какая-нибудь птица.

— А может птица склевать росток прежде, чем его коснется человек?

— Таких глупых птиц нет, уверяю тебя. Птицы держатся от него подальше.

Затем дон Хуан описал довольно сложную процедуру, посредством которой такие ростки силы могут быть получены.

16+

Литературно-художественное издание

Карлос Кастанеда

**УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА
ОТДЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Перевод *М. Добровольский, А. Сидерский*

Редактор *И. Старых*

Технический редактор *Е. Степаненко*

Корректоры *Т. Зенова*

Верстка: *О. Лаврова*

Художественное оформление *В. Миколайчук*

Иллюстрации *В. Ерко*

ООО Книжное издательство «София»

115191, г. Москва, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1

Для дополнительной информации:

Издательство «София»

04073, Украина, Киев–73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 04.06.2017 г.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 6000 экз. Зак.

**Отделы оптовой реализации
издательства «София»**

в Киеве: +38(044) 492–05–10, 492–05–15

в Москве: +7(499) 643–43–03

в Санкт–Петербурге: +7(812) 676–07–68

www.sophia.ru

Мы в соцсетях

facebook.com/SophiaBooks

vk.com/sophia_publishing

[instagram: sophia_publisher](https://instagram.com/sophia_publisher)